

© 1994 г. ИТКИН И.Б.

ЕЩЕ РАЗ О ЧЕРЕДОВАНИИ *Е~О*
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Альтернатива *é~ó* (в дальнейшем обозначается [*e~o*] с опущением знаков ударения, а иногда и слов "чередование" или "альтернатива"), объединяющая случаи типа *сельский — сёла, ель — ёлка, дремлет — дрёма, мёртвый — смертный* и др., — одно из самых интересных и сложных морфонологических чередований русского языка. Оно охватывает 70—90 корней и ряд суффиксов; среди чередований гласных с ним могут сравниться по распространенности только так называемый "неустойчивый вокализм" (*собрать — соберу — собирать — собор; рыть — ров — рва*) — около 80 корней — и, в меньшей степени, — различные случаи сосуществования полногласных и неполногласных форм (*здоровый — заздравный; влечь — волочь — влачить*) — примерно 45 корней и 3 приставки. Предварительные замечания по [*e~o*] можно найти у Н.С. Трубецкого [1] и С.П. Обнорского [2]; весьма интересный подход к описанию этой альтернативы предложен А.К. Поливановой [3, с. 17—18]; наконец, один из частных ее аспектов рассмотрен в сравнительно недавней статье Р. Блатной [4]. А самым развернутым и обстоятельным остается на данный момент исследование, выполненное Т.М. Лайтнером, к 25-летию выхода статьи которого [5] и приурочена настоящая заметка. Во всех этих работах представлен богатый фактический материал и предложены пути разрешения целого ряда проблем, возникающих в связи с альтернативой *e* и *o*, но наиболее эффективный и адекватный способ ее описания, на наш взгляд, не найден. Связано это с тем, что морфонологические исследования русского и других языков, пик которых пришелся на 70-е годы, ко второй половине 80-х почти прекратились под влиянием общего сдвига интересов лингвистов в сторону синтаксиса и семантики и не были доведены до конца.

Рассмотрим сначала проблему морфонологического представления единиц, участвующих в чередовании [*e~o*]. Перед обеими его ступенями выступают мягкие согласные, но в ряде случаев может быть продемонстрирована их исходная твердость, ср. *течь — истёк — исток, спасение — спасённый — спасу, вертит — отвёртка — ворот*. Мы будем считать в этой связи, что альтернантом морфемы {*e*} является здесь морфема {*o*}, перед которой заднеязычные и *ц* переходят в шипящие, а другие твердые — в парные им мягкие. Данное решение поддерживается требованиями системы — наличием в русском морфонологическом инвентаре таких единиц, как {*у*} и {*а*}, начинающих суф. {*ук(а)*}, {*уг(а)*}, {*ан*} и др., ср. *гад — гадюка, вор — ворюга, кольцо — кольчуга, трава — травяной*.

Далее, необходимо определить, какая из ступеней чередования является исходной. На возникающие при этом сложности указывает А.К. Поливанова: "...Если рассматривать направление *e→o*, то мы должны либо признать это чередование нестандартным либо различать на глубинном уровне две единицы, отражающие древнее фонологическое различие между *e* и *é*¹. Выбор же

¹ Отметим, что указанная здесь альтернатива является мнимой. Если две фонологически тождественные единицы ведут себя по-разному относительно некоторого чередования, то такое чередование, безусловно, нестандартно. Но, постулируя между данными двумя единицами глубинное различие, мы не отрицаем, а лишь механически устраняем эту нестандартность. Отличие [*e~o*] от многих других нестандартных чередований, имеющих, наверно, в любом языке с развитой морфонологией (например, от русск. *н~ш*: *олень — олешек, но окунь — окунёк*), лишь в наличии хорошего исторического объяснения его синхронной нерегулярности

направления $o \rightarrow e$ позволяет представить чередование как стандартное, не прибегая к введению дополнительных символов в глубинную запись" [3, с. 18]. Мы, однако, полагаем, что ситуация вполне симметрична: выбор направления $o \rightarrow e$ позволит исключить из рассмотрения многочисленные морфемы, где после мягкого согласного под ударением выступает только *e*: *креп-* (*крепкий, крепь, крепость*), *вед-* (*поведать, сведения*), *стрел-* (*стрелка, застрельщик*) и т.д., — но, вопреки мнению А.К. Поливановой, поставит нас перед аналогичной проблемой в отношении тех (также отнюдь не малочисленных) морфем, где в той же позиции всегда сохраняется *o*: таковы корни *лёт-* (*полёт, лётчик, слёток*), *тёт-* (*тётя, тётушка*), *щёк-* (*щёчка, пощёчина*) и мн. др., суф. *-ёж* (*кутёж, молодёжь*)². Поэтому мы, как это обычно и делается, будем рассматривать данную альтернативу как направленную от {*e*} к {*o*}.

Такое решение, действительно, предполагает различие морфемем {*e*₁}, не чередующейся с {*o*}, и {*e*₂} — чередующейся. Как {*e*₁}, так и {*e*₂} могут быть беглыми и небеглыми (*в отместку — мстит, хребет — хребта* и неск. др., но *темень — тёмный — тьма, седельщик — седёлка — седло* и т.д.). Таким образом, класс *e*-морфемем содержит следующие единицы:

Морфонема	Наличие чередования с 'o	Наличие чередования с нулем
<i>e</i> ₁	—	—
<i>e</i> ₂	+	—
<i>e</i> ₁ '	—	+
<i>e</i> ₂ '	+	+

Слова с {*e*₁} — это, как правило, образования с **ъ*, старославянизмы и заимствования, {*e*₂} — обычное **e*, {*e*₁'} из **ь* в старославянизмах и некоторых других словах, {*e*₂'} содержат все прочие слова с **ь* и слово *лёд*, где этимологическое **e* развило вторичную беглость. При этом {*e*₂} чередуется с обычным {*o*}, а {*e*₂'} — с беглым (морфонема {*o*'}). В случаях, когда различие между {*e*₁'} и {*e*₂'} несущественно, мы записываем беглые *o* и *e* как {*} и {*'} соответственно, а сокращенная запись [*e* ~ *o*] далее обозначает переход {*e*₂} → {*o*} и {*e*₂'} → {*o*'} под ударением.

Перейдем теперь к анализу основного правила Т.М. Лайтнера. Согласно ему, *e* переходит в *o* не перед мягким ("диезным") согласным, что представляет собой небольшое, но существенное видоизменение исторического процесса, заключавшегося в переходе *e* в *o* перед твердым ("недиезным") согласным [5, с. 65, 68]. Согласные *ж* и *ш* рассматриваются при этом как твердые, а *ц* — как мягкий.

Эмпирическая неадекватность этого правила очевидна. Мало того, что *e* регулярно выступает перед цепочкой согласных, из которых мягким является только самый правый: *твердь, мертвенный, шерсть, пестрядь* и др., число случаев появления *o* между мягкими также очень велико и явно составляет открытый список (*весёленький, котёльчик, пулемётник, тёмн, бёдер, отёки, об упрёке, к растрёпе*...). Для объяснения первого из этих явлений пришлось бы постулировать смягчение *r* перед мягкими зубными и *st* перед *r*, что вкупе с правилом их последующего отвердения лишено смысла; второе Т.М. Лайтнер объясняет, вводя для таких словоформ НС-структуры типа (запись здесь и далее графическая) ((пулемёт)+ик), ((тём)+ен) и т.д. с "отсечением" смягчающего гласного. К сожалению, ценность этого остроумного приема сведена на нет получающимся логическим кругом: не задав априори принципы построения НС-структур, а устанавливая их отдельно для каждого класса словоформ, американский лингвист

² Маргинальный суф. *-ёж* (*рубёж, мятеж, падеж*) — другая морфема, неизменно сохраняющая *e*

выбирает среди возможных структур такую, применение к которой правила "дает возможность деривации правильной гласной во всех случаях" [5, с. 73]³. Так, разницу между прилагательными на *-ный*, многие из которых допускают переход *e* в *o* (*тёмный*, *звёздный* и т.п.), и прилагательными на *-ский* (*женский*, *земский*, *сельский*), которые его не допускают, Т.М. Лайтнер относит за счет того, что первые из них производны от существительных, а вторые — нет: «Если бы *жёнский* и *сёлский* были отыменными образованиями, связанными с основами, исходными для *жена*, *село*, они означали бы соответственно "подобный жене" и "относящийся к селу"; кроме этого, они имели бы ударение на окончании: **женско́й*, **сельско́й*» [5, с. 73]. Это рассуждение неубедительно сразу по нескольким причинам. Во-первых, слово *сёлский* действительно означает "относящийся к селу", но *село* значит здесь "сельская местность". Во-вторых, исходное значение корня *жен-* именно "взрослый человек женского пола", что видно по словам вроде *женоненавистник*, а сужение этого значения в лексеме *жена* не обязательно распространяется на производные от нее. В-третьих, прилагательное *мужско́й*, ничем не отличаясь ст прилагательного *жёнский*, имеет тем не менее ударение на окончании. Наконец, с тем же успехом можно доказать, что многие образования на *-ный* также непроизводны. Например, явно отыменное прилагательное *речной* означает "относящийся к реке" и имеет ударение на окончании, тогда как то же самое прилагательное *тёмный* не значит ни "относящийся к тьме", ни "подобный тьме" и к тому же имеет ударение на основе; получается, что оснований для признания его непроизводным вполне достаточно.

Кроме того, НС-анализ не позволяет объяснить появление *o* между мягкими в неодносложных корнях с беглым *e* (*бёдер*, *вёсел*, *чёрн*, *вёсен*, *ремёсел* и др.), а предложение объяснить дублиеты вроде *решетчатый* — *решётчатый* наличием у таких словоформ вариантных структур [5, с. 76] вообще подрывает саму идею морфологического анализа по НС, потому что нельзя будет найти разумных оснований для приписывания той или иной возможной структуры любой словоформе того же строения, не содержащей *e* (например, *лапчатый*).

Таким образом, единственным, на наш взгляд, способом НС-анализа русских словоформ, позволяющим получать обоснованные результаты, является такой, при котором каждая следующая составляющая получается из предыдущей добавлением одной морфемы, причем выбор в пользу одной из двух конкурирующих морфем (приставки и суффикса) осуществляется в соответствии с деривационной историей данного слова, например: (((ветш)+а)+ть) — ((об+((ветш)+а))+ть) — (((об+((ветш)+а))+л)+ый). Объяснить чередование [*e ~ o*] через различие в НС-структурах при таком подходе к их приписыванию, разумеется, невозможно, и мы больше не затрагиваем эту проблематику.

Что же касается предположения о твердости *ж* и *ш*, то в этом случае число исключений, приведенных, кстати, почти полностью самим Лайтнером (*грежу* — ср. *грёза*, *чешет* — ср. *зачёс*, *тешет* — ср. *тёс*, *брешет* — ср. *пустобрёх*, *лежень* — ср. *лёг*), превышает число правильно построенных форм (*дёшево*, *молодёжь*, *лёжа*).

В то же время сама мысль о связи [*e ~ o*] с твердостью—мягкостью интуитивно кажется правильной. Можно заметить, что если в некоторой морфеме вообще допускается [*e ~ o*], то в позициях, где ее правым соседом не является морфема, содержащая смягчающие морфонемы, практически всегда выступает ступень {'*o*'} (о немногих отступлениях от этой закономерности см. ниже). Дадим на этой основе первую формулировку рассматриваемого чередования:

³ Ср. у А.К. Поливановой: "Хо-я структура словообразовательных составляющих в данной основе может быть формально маркирована..., сама эта маркированность не является основанием для признания различия морфонологических НС-структур: ведь в этих случаях у нас нет иных оснований, кроме различий в оформлении основ. Иначе возникла бы ситуация порочного круга" [3, с. 10].

(I) а) Чередование [e~o] имеет место в случае, когда за морфемой, содержащей ударное {e₂} ({e₂'}), не следует непосредственно морфема, содержащая смягчающую морфону;

б) в противном случае чередование отсутствует.

Правило (I) позволяет объяснить очень значительное число наиболее многочисленных и регулярных случаев сохранения *e* под ударением в одних формах и его перехода в *o* в других. В частности, ступень *e* всегда выступает в парадигмах глаголов, основы которых подвергаются в ряде форм так называемому переходному смягчению (сокращенно — ПС): это глаголы II спряжения на *-ить* (*грезить* — *грежу*, ср. *грэза*; *перечить* — *перечу*, ср. *поперёк*) и *-еть* (*вертеть* — *вертит*, ср. *свёрток*) и I спряжения на *-ать* (*трепать* — *треплет*, ср. *трёпка*; *метать* — *мечет*, ср. *пулемёт*; *дремать* — *дремлет*, ср. *дрёма*). Поскольку ПС присуще не всем глаголам (ср. *мести* — *метёт*, *сорвать* — *сорвёт*), а лишь определенным их классам, то естественно считать, что вызывается оно особыми аффиксами (ПС-морфемами), выступающими в подпарадигме настоящего времени у глаголов этих классов. Морфонологическая интерпретация ПС-морфем может быть различной⁴, но несомненна их представленность именно смягчающей морфемой. Корни, от которых образованы глаголы вроде *корёжить* или приводимого Т.М. Лайтнером *стрёмить*, записываются, как предполагалось выше, в виде {кор'ож}, {стр'ом}. Полностью отсутствует *o* в падежных формах существительных, склоняющихся по мягкой разновидности I и II и по III склонению (*тетеря* — ср. *тетёрка*, *кошель* — ср. *кошёлка*, *пень* — ср. *опёнок*, *чернь* — ср. *чёрный*, *зернь* — ср. *зёрна*, *ель* — ср. *ёлка*). Особенно примечательны здесь два примера: *чёрт* с {o} при отсутствии {ф} в единственном числе — *черти* с {e} при его аномальном появлении во множественном, и *день* с *e* перед {ф} — просторечное *дён* (род. мн.) с характерным отвердением конечного *n* (ср. *песня* — *песен*, *излишний* — *излишен*). Еще две словоизменительные морфемы, перед которыми *o* недопустимо, — это {*j(a)} (*перо* — *перья* при *кистепёрый*) и окончание инфинитива, морфонологически представляемое как {т'и} (*учесть* при *учёт*, *течь* при *наутёк*, *сберечь* при *сберёгший*).

Многие словообразовательные суффиксы также запрещают [e~o]. В приводимом ниже списке действие каждого из них проиллюстрировано для краткости лишь одним-двумя примерами:

- ени**: *ремесленный* при *ремесла*, *набедренный* при *бёдра*;
- ень**: *темень* при *тёмный*, *перстень* при *напёрсток*;
- ин**: *женин* при *жёнка*, *сестрин* при *сёстры*;
- иця**: *поземица* при *позёмка*, *околесица*⁵ при *околёсная*;
- иня**: *поперечина* при *поперёк*, *расщелина* при *щёлка*;
- ье(-ие)**: *ущелье* при *щелка*, *терние* при *тёрн*;
- ядь**: *пестрядь* при *пёстрый*;
- ск** ({еск}, ср. *дружеский*): *земский* при *чернозём*, *Козельск* при *козёл*;
- ля** ({*л'(а)}): *гребля* при *огрёбок*;
- бище** ({*б+ищ(о)}): *сельбище* при *сёла*, *лежбище* при *лёжка*;
- ня** ({*н+ф(а)}): *пчельня* при *пчёлы*;
- ний** ({*н+ф(ый)}): *передний* при *вперёд*;
- ник** ({*н+ик}): *колесник* при *колёса*, *лёдник* при *лёд*.

⁴ Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой переходное смягчение вызывается морфемой {j}, а обычное — передними гласными и особой морфемой "нуль-смягчающий" (обозначается {ф}). Например, *свеча* получается из {свет+j+a} (ср. *свет*) а *тетя* — из {т'от+ф+a} (ср. *тетка*)

⁵ Произношение *околесица* является сейчас едва ли не единственно возможным. Тем удивительнее, что до самого последнего времени все известные нам словари приводили форму *околесица*, иногда даже с безнадежной пометой "не *околесица*". В "Орфоэпическом словаре" 1989 г. оба варианта даны как равноправные [6, с. 326].

Напротив, в ряде случаев допустимой оказывается только ступень 'о. Более 40 слов этой группы оформлено суф. -к ({*к})⁶: *решётка* (ср. *решетник*), *посёлок* (ср. *поселит*), *сажёнки* (ср. *сажёнъ*), *жёрдочка* ({жёрд+*к+*к+а}, ср. *жердь*), *лёгок* (ср. *легче*) и мн. др. После *к*, *г*, *х*, *ц* этот суффикс выступает в виде {*}к} (в существительных, но не в прилагательных, ср.: *лёгкий*, *мягкий*), так что образования типа *пешка* (ср. прост. *пёхом*), *утечка* (ср. *отёк*) вполне правильны. Ступени 'о требуют простые прилагательные и производные от них существительные на -ость: *твёрдый*, *твёрдость* (ср. *твёрдь*), *весёлый*, *весёлость* (ср. *веселье*), *кистенёрый* (ср. *перья*), *жерёбая* (ср. *жеребчик*) и т.п.; глаголы с суф. -ыва-: *нахлёстывать* (ср. *хлещет*), *вытёсывать* (ср. *тешет*), *задрёмывать* (ср. *дремлет*). Если -ыва- предшествует ПС-морфема, то, в полном соответствии с правилом, переход отсутствует: *скрецивать* (ср. *крёстный*), *раскошелиться* (ср. *кошёлка*), *зарешечивать* (ср. *решётка*). Интересно сопоставить однокоренные пары: *вывёртывать* — *заверчивать*, *подчёркивать* — *расчерчивать*. Еще можно упомянуть суф. -ов (*чёртов*, *можжевеловый*) и диминутивы -ушк, -ышк (*жёнущка*, *чёртушка*, *пёрышко*, *зёрнышко*).

Однако количество фактов, не вписывающихся в правило (I), достаточно велико. Обращают на себя внимание случаи типа *честь* (ср. *четвёртка* с тем же суф. -т-) или *мёртвый* — *мертвенный*: видно, что суффиксы, состоящие из одних согласных, проницаемы для воздействия на корень своих правых соседей.

Значительное число аффиксов со смягчающими морфонемами допускает в той или иной мере появление ступени 'о [иначе говоря, по сравнению с правилом (I) — и, заметим, с правилом, реально действовавшим в истории, — в современном русском языке "слишком много 'о"].

Так, смягчающая именная флексия -е (флексия -и в именном словоизменении несамостоятельна: она либо следует за {ф} — *кони*, но *слоны*; на *цепи*, но на *тропе*, либо является вариантом -ы после *к*, *г*, *х* — *крюки*, но *коты*), и глагольные флексии -те (2 л. мн.ч. непрош. вр.) и -и (мн.ч. прош. вр.) никогда не запрещают появления ступени 'о (*дрёма* — *к дрёме*, *упрёк* — *об упрёке*, *рвёт* — *рвёте*, *стережёт* — *стережёте*, *подпёр* — *подпёрли*, *простёр* — *простёрли*), но, разумеется, и не требуют его (*плеск* — *о плеске*). Это побуждает выделить среди морфем со смягчающими морфонемами группу "индифферентных", т.е. оставляющих выбор ступени за моговирующей основой.

Кроме вышеперечисленных флексий, сюда относятся все диминутивы: -ик (*чёртик*, *колёсико*, но *крестик* — появление ступени 'о аномально запрещено самой основой — см. ниже), -чик ({*ц+ик}, *котельчик*), -еньк (*тёпленький*, *дешёвенький*), -ец₁ ({*ц}1, *решётце*, *веретёнце*). Интересно, что суф. -ец₂ ({*ц}2), не являющийся диминутивом, не является и "индифферентным", — ср. *туземец*, *иноземец*, *жеребец* — *жеребчик*, *многоженец*, *двоеженец*⁷.

Такое свойство этих групп аффиксов выглядит вполне естественным, переключаясь у окончаний с морфонологической (не требуют перехода *к*, *г*, *х*, *ц* в шипящие — ср. *о тюке*, *роге*, *духе*, *отце*), а у диминутивов — с синтаксической (не определяют, в отличие от других суффиксов, системы флексий — ср. *дом* — *домик*, но *колесо* — *колёсико*; *суп* — *супец*, но *окно* — *оконце* и *грязь* — *грязца* и т.д.) "неполноценностью".

Надежное отнесение к одному из классов суф. -ств(о) ({ств(о)}) и -щин(а) ({еск+ин(а)}) затруднительно. Все же на основании слов *земство*, *равноденствие*, *женственный*, *главенство* (от *главный*; ср. с тем же суффиксом *умный* — *умён*) и

⁶ См. о нем более подробно ниже.

⁷ В настоящее время образования на -женец, как кажется, вытесняются образованиями на -женец. В "Орфоэпическом словаре" имеются курьезные расхождения между нормативными пометами у соответствующих слов: "двоеженец, -нца! неправ двоеженец" [6, с. 113] и "многоженец, -нца! не рек. многоженец" [6, с. 256] (существование людей, произносящих эти слова разнотипно, представляется невероятным).

под. на *-енство* мы причисляем *-ство* к запретительным морфемам, а слова на *-жёнство* и *-плётство* (*многожёнство*, *стихоплётство* и др.) — к исключениям. Суф. *-щина* (*женский* — *женщина*, *земский* — *земщина*, но *подённый* — *подёнщина*), как видно, близок к "индифферентным".

Среди аффиксов, не содержащих смягчающих морфем, отдельного разговора заслуживает *{*к(а)}*. В русском языке, несомненно, имеется несколько омонимичных морфем такого вида. Две из них — суффикс женского рода (*{*к(а)}₁*) и формант, свертывающий словосочетания (*{*к(а)}₂*), — мы относим к "индифферентным" (ср. *лишённый* — *лишенец* — *лишенка*, *упрощённый* — *упрощенец* — *упроценка*; *подземная дорога* > *подземка*, *учебная часть* > *учебка*, но по дешёвой цене > по дешёвке), все прочие (не решая сейчас вопроса об их точном количестве) — к требующим ступени *о* (примеры см. выше).

Поведение трех очень продуктивных суффиксов — *-щик/-чик* (*{еск+ик}*), *-щица/-чица* (*{еск+иц(а)}*) и *-ный* (*{*н(ый)}*) — резко выделяет их в ряду смягчающих. Биномы с двумя передними гласными, первые два из них парадоксальным образом требуют ступени *о* для всех основ, кроме оканчивающихся на *{л'}* (*{л'}* получается из *{л}* по правилу морфонологического смягчения перед морфемной границей, за которой следует согласный, ср. *колоть* — *кольнуть*, *генерал* — *генеральша* и др.): *заклёпщик*, *-ца*, *пулемётчик*, *-ца*, *щёбённый*, *-ца*, но *котельщик*, *-ца*, *седельщик*, *-ца* и т.д. Суф. *-ный*, по-видимому, просто аномален: по отношению к большинству основ он ведет себя аналогично суф. *-щик* (ср. *поочерёдный*, *тёмный*, *приозёрный*, *двухколёсный* и т.д., но *седельный*, *пчельный*), но в ряде образований обнаруживает свойства "индифферентных" (*протечка* — *протечный* при *отёк* — *отёчный*; *чернозём* — *чернозёмный* при *туземец* — *туземный*) и даже запретительных (*поперёк* — *поперечный*) аффиксов. Не подчиняется никаким правилам выбор ступени *е* или *о* в словах с суф. *-ист-* (число их невелико): *перистый*, *приземистый*, но *утёсистый*, *кремнезёмистый* и неск. др. Перед суффиксом компаратива *{е}* *о* аномально отсутствует в *легче* (*{лег+*к+е}*), ср. правильные *жёстче*, *чётче*, *вёртче* с тем же суф. *-к-*, и аномально же присутствует в *твёрже* (*{тверд+е}*), ср. правильные *дешевле* и устаревшее *тяжелее*.

Имеется, конечно, и некоторое число исключений, не связанных с теми или иными аффиксами. Переход *[e~o]* отсутствует в группе производных существительных, куда входят *блеск* (ср. *блётка*), *плеск* (ср. *выплёскивать*), *черта* (род. мн. *черт* — ср. *чёрточка*) и уже упоминавшееся слово *крест* (ср. *перекрёсток*). Мнимым исключением является *среда*: между неполногласным и полногласным вариантами одного корня возможно как соотношение *{re₁}~{e₁re₂}*, так и соотношение *{re₂}~{e₁re₂}*: *срэды* — *серёдка*, *предок* — *вперёд*, но *упрёк* — *поперёк*. Два корня на заднеязычные едва ли не половину форм образуют неправильно: *опека* (*/|опёка*), *пекло*, *пекарь* при *припёк*, *запёкшийся* и *лёжа*, *лёжка*, *полёживать* при *лечь*, *лежень*, *прилежный*. Корень *зев-* подвержен нерегулярным чередованиям *e~и* и *в~j~ф* (ср. *зевать* — *ротозей* — *зиять* — *разинуть*), и отсутствие перехода *е* в *о* в существительном II склонения *зев* — лишь одно из проявлений его общей аномальности (ср. *зёва* — I склонение). Неправильно также слово *четверг* с унификсом *-г* (ср. *четвёртый*). Загадочно существительное *тёща* (*{тест+j+a}*, ср. правильное *тесть*), образованное с помощью суффикса *{j}* (вероятно, запретительного; можно указать на слово *предтеча* и на пару *клёст~клещи* — неясно, однако, в какой мере ее члены осознаются как родственные). Не менее интересно слово *седло* (род. мн. *сёдел*), где наблюдается дважды невозможный переход *{e₁}* (ср. *сел*, *наседка*) в *{o}* перед суффиксом со смягчающей морфемой!

Прежде чем перейти к явлениям, примыкающим к *[e~o]*, но имеющим иное распределение ступеней, дадим новую формулировку условий чередования, гораздо более сложную, но представляющуюся нам и более адекватной.

(II) Пусть в словоформе S ударение падает на морфемому {e₂} ({e₂'}), относящуюся к морфеме А.

а) Если за морфемой А следует морфема В, содержащая смягчающую морфемому (т.е. одну из морфем {и, е, 'а, 'о, 'у, 'j, 'ф}, и между правой границей А и этой морфемой нет ни одной из передних гласных {а, о, у, ы}), то имеются две возможности: 1) В — "индифферентная" морфема (дими́нүтив или одна из вышеперечисленных флексий), в S выбирается та же ступень [e ~ o], что и в мотивирующей ее основе; 2) В — запретительная морфема; в этом случае чередование отсутствует;

б) во всех прочих случаях чередование имеет место

Естественно, и эта формулировка идеализирует реальное положение дел, так как в ней не отражены ни отдельные исключения, ни индивидуальные особенности морфем {*к₁}, {*к₂}, {еск+ик}, {еск+иц}; {еск+ин}; {*н}, {ист}.

У ряда глаголов, в корнях которых явно не содержится {e₂} ({e₂'}), в форме муж. рода прош. вр. выступает тем не менее ступень 'о. *цвет, расцветка — цвел; дровосек, лесосека — сэк; свет, подсветка — окказ, расвел; шествовать — шел* Возникающему в этой связи предположению, что e₁ и e₁' переходят в 'о в претерите, противоречит, казалось бы, огромное число глаголов с сохраняющимся e. Оказывается, однако, что все они имеют другую акцентную парадигму (характеристическая форма — мн.ч. прош. вр.): *эли, сэли, терпéли, пéли, грéли, слéпли, но брелí, велí, обрелí секлí, цвелí, *расвелí, шлí*.

Заметим, что при изучении [e ~ o] с исторической точки зрения "незаконное" претеритное 'о всегда рассматривалось как характерный пример аналогического воздействия. Между тем в данном случае, как и в очень многих других, расплывчатое и не имеющее, по нашему убеждению, никакой объяснительной силы понятие грамматической аналогии может быть заменено вполне строгими правилами чередований. Вероятно, уже после перехода e в 'о начал действовать закон, по которому в форме муж. рода прош. вр. ъ переходил в 'о при наличии акцентной парадигмы b. На протяжении столетий число противоречивших ему форм неуклонно уменьшалось и в настоящий момент равно нулю: последними, уже в 60—70-е годы XX в. "сдались" глаголы с корнем *сек-*

Еще более сложной была перестройка первоначальной системы в причастиях и деепричастиях на *-и-*, когда-то допускавших только ступень e. Постепенно воздействие личных претеритных форм привело к установлению в большинстве таких причастий и деепричастий, даже содержащих ъ, ступени 'о⁸. При этом одни формы с e исчезли из языка, другие — *пренебрегший, засекийший, истекший* — сохранились, но воспринимаются как архаичные и клишированные (ср. *за истекший период, но истёкший кровью солдат*). Однако этот процесс практически не затронул формы с исходом на d и t, ср. *ведший, бредший, обретший, расцветший, шедший*. Причастия на *-лётший*, составляющие в этом плане единственное исключение, похоже, избегаются носителями языка. Причастия на *-мётший* мы исключениями не считаем: их возникновение явно связано с полной утратой в этом корне ударного e, что допускает его синхронное представление в виде {m'ot}.

Интересен также представленный в омонимичных суффиксах {ов₁} (адъективный, ср. *отцов, дубовый*) и {ов₂} (глагольный, ср. *бинтовать*) переход o в e после мягких согласных, ж и ш перед запретительными морфемами и аномальной морфемой *-ный*. Примеры таковы: *кочую, откочёвывать — кочевье, кочевник; дневать, днёвка — ежедневный, шестидневная (неделя); царев — царевна, царевич; король — королевский, королевство, королевич, королевна и аномальное королева; кожа — кожевник, кожевенький; холщовый — холщевник; бахчевник, лапшевник;*

⁸ Если бы замена e на 'о происходила здесь независимо от особенностей словоформы муж. рода прош. вр., то, например, аномальная форма *умёрший* стремилась бы превратиться в **умерший*. В действительности же конкурирующая форма выглядит как *умерший* (ср. *умер*)

харчевня, душевный, плачевный. Это чередование почти не знает исключений: ср. только два слова с *ж* — *чаёвничать* и малоизвестное *роёвня* (//*роевня*).

В предложенных здесь правилах чередования [*e~o*] мы вынуждены были многократно прибегать к оговоркам и уточнениям, охватывающим небольшие группы словоформ. В ходе развития русского языка условия [*e~o*], первоначально четкие, становились все более и более размытыми. Процесс возникновения новых исключений продолжается и сейчас. Скажем, в идиопекте автора этой статьи присутствуют отвергаемые словарями *многоженец* и *двоежёнец*, не включаемый в них *очередник* и т.д. Вполне возможно поэтому, что наше далёкое от идеала описание сделано уже в самом конце того периода, когда хотя бы в большей части морфем, где представлено [*e~o*], распределение его ступеней подчинялось единым, лингвистически содержательным закономерностям*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Трубецкой Н С Морфонологическая система русского языка / Трубецкой Н С Избр тр по филологии М, 1987 С 97—99
- 2 Обнорский С П Переход *e* в *o* в современном русском языке / Обнорский С П Избр раб. по русскому языку М, 1960
- 3 Пошиванова А К Морфонология русского субстантивного основообразования Автореф дис канд филол наук М, 1976
- 4 Vlatna R Přečhod 'e>'o ve skupení *er-* v současné ruštině // Československá rusistika 1985 №3
- 5 Лаитнер Т М Об альтернации *e~o* в современном русском литературном языке / ВЯ 1966 № 5
- 6 Орфоэпический словарь русского языка Произношение, ударение, грамматические формы / Под ред Аванесова Р И М, 1989

* Автор выражает искреннюю благодарность А Н Барулину, С А Бурлак, Н А Еськовой, Л Л Касаткину и В А Плунгяну за ценные советы и доброжелательную критику в процессе работы над статьей